

Социальная идентичность
как результат неформальных взаимодействий
«свой/чужой»

Валентина Ф. Левичева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, levvf@mail.ru*

Сергей Л. Диманс

*Московская государственная академия физической культуры,
Москва, Россия, dims151@mail.ru*

Аннотация. В статье предлагается концептуальная интерпретация феномена социальной идентичности сквозь призму дихотомии «свой/чужой». Авторы утверждают, что институционально конструируемая модель идентичности, распространяемая на все общество, не обеспечивает ее устойчивости, поскольку во многом подчинена конъюнктуре и сиюминутным нуждам политической и корпоративной элиты. Идентификационные маркеры, которые осознаются людьми самостоятельно и транслируются на основе локального социального опыта, т. е. посредством неформальных коммуникаций, более прочно закрепляют понимание того, кто такие «мы» и «они», чем «мы» отличаемся от «чужих». В пространстве этих полюсов маркируются ценности и смыслы, создаются мотивационные комплексы и установки, утверждаются культурные, политические и другие различия.

Предлагаемая авторами концептуализация феномена идентичности открывает путь к пониманию практик воспроизводства дискурсов идентичности в процессах воздействия на общественное сознание и продвижения групповых интересов.

Ключевые слова: идентичность, институты, неформальные практики, идентификационные маркеры, культура отмены

Для цитирования: Левичева В.Ф., Диманс С.Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 73–83. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-73-83

Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe

Valentina F. Levicheva

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, levvf@mail.ru*

Sergey L. Dimans

*Moscow State Academy of Physical Education,
Moscow, Russia, dimsl51@mail.ru*

Abstract. The article proposes a conceptual interpretation of the phenomenon of social identity through the prism of the “friend/foe” dichotomy. The authors argue that the institutionally constructed identity model, extended to the whole society, does not ensure its stability, since it is largely subordinated to the conjuncture and the immediate needs of the political and corporate elite.

Identification markers that are self-aware by people and broadcast based on local social experience, i.e. through informal communication, consolidate more firmly the understanding of who “we” and “they” are, how “we” differ from “strangers”. In the space of these poles, values and meanings are marked, motivational complexes and attitudes are created, cultural, political and other differences are affirmed.

The authors’ conceptualisation of the phenomenon of identity opens the way to understanding the practices of reproducing identity discourses in the processes of influencing public consciousness and promoting group interests.

Keywords: identity, institutions, informal practices, identification markers, cancel culture

For citation: Levicheva, V.F. and Dimans, S.L. (2023), “Social identity as a result of informal interactions Friend or Foe”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 73–83, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-73-83

Введение.

Социальная идентичность как понятие

Бинарность «свой – чужой» лежит в основе локальной социально-групповой идентичности, соединяющей в себе индивидуальные взгляды с групповыми мировоззренческими нарративами. Индивид ощущает (осознано или неосознанно) некие основания принадлежности к «своей» общности и неприятия «чужого». Подобное противопоставление – одно из базовых стратифицирующих качеств общества.

Любое взаимодействие между двумя или более группами акторов предполагает маркировку их в качестве социальных объектов. Как отмечает Б. Латур, для установления границ любой группы формируется перечень «антигрупп», в отношении которых происходит постоянная разметка «социального контекста» [Латур 2014].

Исторический психолог Б.Ф. Поршнев писал:

...субъективная сторона всякой реально существующей общности... конституируется путем двуединого или двустороннего психологического явления, которое мы обозначили выражением «мы» и «они»: путем отличия от других общностей, коллективов, групп людей вовне и одновременно уподобления в чем-либо людей друг другу внутри [Поршнев 1979, с. 107].

Действительно, суть социально-групповой идентичности обычно заключается в общем чувстве «МЫ», обусловленном как прошлым, так и настоящим, и закреплённом в реальных или воображаемых общих атрибутах, символах и переживаниях. Человек отождествляет себя с некой общностью подобных себе (региональной, социальной, политической, культурной, экономической, религиозной, гендерной и др.). Одновременно с объединением его с «такими же» происходит противопоставление «чужим». Причём образ идентичности «своего» может меняться при сдвиге границ идентичности «чужого».

По определению А. Мелуччи, коллективная идентичность – это интерактивное явление, производимое несколькими людьми (или группами на более сложном уровне) и связанное с ориентацией действия и областью возможностей и ограничений, в которых происходит действие [Melucci 1996, с. 70]. Таким образом, коллективная идентичность по своей сути является процессом, а не просто коллективным сознанием с набором неких ценностей. Она состоит не только из общего и интерактивного чувства «МЫ», но и включает модели коллективного действия, социального поведения, обладающего значительным адаптационным ресурсом. На их основе могут возникать практики группового поведения, а также массовые и локальные общественные движения. Наиболее устойчивые и прочные коллективные идентичности в обществе возникают в ходе преодоления трудных времен и динамичных социальных событий.

Один из ключевых тезисов Ф. Барта также состоит в том, что группа начинает осознавать себя и приписывать себе определённую идентичность не в изолированном состоянии, когда она может апеллировать только к определённому «культурному инвентарю», а в ситуации активного взаимодействия с другими группами [Барт 2006, с. 7–48].

В целом идентичность содержит три компонента: когнитивный, эмоциональный и регулятивный. Нас в данном случае интересует именно последний (регулятивный). С ним связана готовность действовать согласно индивидуальным или групповым представлениям. Другими словами, идентичность связана с социальными интеракциями и может рассматриваться как «личный или групповой проект» по выбору формы социального поведения.

Идентичность используется в качестве маркера «своего» и «чужого» именно с точки зрения возможного взаимодействия между этими «полюсами» как в содержательном, так и в организационном смысле. Причем в этом взаимодействии имеют значение не любые различия между «своими» и «чужими», а только социально значимые. Более того, лишь некоторым значимым социальным различиям придается реальный смысл, и именно они становятся демаркационными линиями, разделяющими «своих» и «чужих».

Если в институциональной теории «пассивный» индивид находится под управлением институциональной среды, то при рассмотрении индивида с позиций его идентификационных характеристик он предстает как активный, деятельный субъект, который не только присоединяется к той или иной «команде» с ее поведенческими стереотипами, но и генерирует значимые символы неформальных взаимодействий при «внутренней» интерпретации различных ситуаций.

Поэтому дискурс идентичности все чаще строится не только в привычном контексте социально-психологических оснований, на констатации принадлежности человека к обществу и осмыслении им себя и своего места в мире, но и в поведенческом ключе. В этом случае идентичность определяется на основе мотивации индивидуального и группового выбора, причем в самом широком смысле, как паттерны поведения в публичной сфере, конструирующие социальную реальность. Такое понимание идентичности открывает путь к целенаправленному использованию дискурсов идентичности для политического воздействия на общественное сознание и продвижения групповых интересов.

Конструирование социальной идентичности через дискурс «своих» и «чужих»

Процесс возникновения и сохранения латентных, но социально значимых границ между «своими» и «чужими» достаточно сложен. Особенно если учесть, что общества становятся все более структурно дифференцированными, фрагментированными и культурно разнообразными.

Современный человек идентифицирует себя с множеством различных социальных групп, которые он считает значимыми для себя. Причем множественность маркеров идентификации (язык, место проживания, родство, гражданство, этническая принадлежность, семья, возраст, образование, политические взгляды, гендерная принадлежность, сексуальная ориентация, классовая и религиозная принадлежность и т. д.) предопределяет и множественность социальных практик, при помощи которых человек взаимодействует с людьми из других социальных групп.

Деление на «свой»/«чужой» может быть как стихийным процессом, т. е. производиться «трудом общей истории», так и управляемым процессом, результатом целенаправленного конструирования смыслов и ценностей¹. Последнее касается, в основном, формирования национальной идентичности, которая активно задается и транслируется элитными группами, обладающими необходимыми для этого политическими и социальными ресурсами.

Как пишет Б. Андерсон, чтобы нация существовала, ее надо придумать, а затем разными способами удерживать ее ментальный образ в сознании ее членов [Андерсон 2016, с. 102]. Задача – сформировать коллективное представление «МЫ», причем это надо сделать в противоречивом пространстве отношений власти, господства и доминирования.

Об этом говорит и М. Фуко. По его словам, идентичность является «дискурсивной формацией», следовательно, в формировании национальной идентичности важную роль играют различные дискурсивные практики, или так называемые «политики идентичности», субъектом которых выступают власть и элита [Фуко 2006]. Их задача сформировать «подлинную идентичность» в соответствии с канонами некоего идеального идентификационного паттерна, наложенного на территорию и культуру.

В этом смысле идентичность никогда не является априорным феноменом, она всегда – лишь проблемный конструкт.

В докладе Международного дискуссионного клуба «Валдай» «Национальная идентичность и будущее России» приведена следующая констатация:

До самого недавнего времени в российской интеллектуальной дискуссии считалось, что определение национальной идентичности

¹ М. Кастельс считал, что нации «производятся трудом общей истории, а затем проговариваются образами языка, первым словом которого является “мы”, вторым – “нас”, а третьим, к сожалению, “они”» [Castells 2010, с. 56].

России не нужно или что оно придет само по себе. Вырастет из народа. Не выросло. С советской идентичностью расстались. С дореволюционной российской связи не восстановили. До сих пор ни общество, ни интеллектуальный класс не нашли идей, которые объединили бы страну в движении вперед. Она «пятится на месте»².

Таким образом, идентичность становится институционально централизованной структурой. Государство выступает как «контейнер институтов», как некий «центр», создающий институциональные стимулы и мотивы формирования общей идентичности и осуществляющий контроль над символическим порядком вещей, разграничивающим «своих» и «чужих». Выступая как мощный «идентификатор», государство убеждает людей, что они – суть одно целое, а все остальные – «чужие», что внутренние различия между «своими» не имеют большого значения.

Проблема в том, что центр, руководящий институционализацией идентичности, часто сам не структурирован. Смена исторического фона и замещение одного центра другим, приводит к серьезным кризисам идентичности.

Сегодня идентификационные маркеры, которые задаются «извне» властными структурами, интерпретируются и распространяются так называемыми «лидерами мнений» – «инфлюенсерами интернета», имеющими высокий формальный или неформальный авторитет, доступ к СМИ и большое количество социальных контактов. Отбираются события, символы, памятники культуры, узнаваемые образы истории, мифологемы, традиции, интерпретация текущих событий, политические, экологические и другие переживания, чувства опасности, «визуальные» эффекты, конкретные методы социализации – одним словом, все, что способно сформировать коллективный нарратив и объединить людей. На индивидуальном уровне формируется приверженность национальному языку, определенным образам и текстам, ритуалам родительской культуры и т. д.

Этот процесс крайне противоречив. С одной стороны, это унификация социально-политического языка, расширение сети коммуникаций, создание системы массового образования. С другой – это конструирование и утверждение национальной идентичности различными формами целенаправленного нарратива и перформанса, ритуальных и церемониальных практик, разыгрываемых о «себе»

² Доклад «Национальная идентичность и будущее России» [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22574/> (дата обращения 8 февраля 2023).

и о «другом» с целью создания некоего «воображаемого сообщества». Кратковременное возникновение подобного «воображаемого сообщества» можно воочию наблюдать на стадионах, где встречаются команды из двух разных стран. Это – наиболее доступная и приемлемая «площадка» свободного и солидарного проявления национальных чувств. Как справедливо отмечает М. Снеговая, спортивные состязания играют важнейшую роль в «создании» россиян, китайцев, французов и пр.³ Поэтому анонсированный запрет на использование национальных символов России на предстоящей Олимпиаде лишь усилит национальное чувство россиян в противостоянии «своих» и «чужих».

Элитарные проекты идентичности часто имеют неустойчивый и фрагментарный характер. Они создают не просто идентичность, а идентичность, нужную элите, поскольку для нее консолидация политической нации является источником властных полномочий и социального статуса. Но проектные идентификационные ориентиры не проникают в глубину человеческой субъектности, оставаясь на поверхности, и часто дают серьезные сбои, порождая, например, «утомленную Россией» творческую интеллигенцию, зависшую между «своими» и «чужими».

Тем не менее социально-конструктивная сторона идентичности крайне важна. Во-первых, в краткосрочном периоде это – хорошо изученная технология создания наций (national building), зарекомендовавшая себя в Прибалтике, на Украине и в других несостоявшихся государствах (“failed states”) при создании так называемых «санитарных кордонов» против России. Во-вторых, она дает возможность измерить градус напряженности политического процесса. Если политизация отношений «свой/чужой» недооценена, то это может привести к серьезным политическим ошибкам по обе стороны «фронта».

Некоторые социологи еще в начале 2000-х обращали внимание на стремление местной элиты сформировать евроазиатскую идентичность в Уральском регионе вплоть до более осязаемой автономии в рамках Федерации. По словам С. Кропотова, буквально на глазах разворачивалась семиотическая реорганизация социального пространства как места конфликтов технократических, финансовых, интеллектуальных региональных элит за символическое овладение местными ресурсами [Кропотов 2006, с. 228]. С этой целью использовались специфика региональной истории, закономерности опыта прошлых поколений региона и пр.

³ Снеговая М. Познается в сравнении: Олимпиада как основной инстинкт. URL: <https://www.vedomosti.ru/newspaper/articles/2014/02/10/olimpiada-kak-osnovnoj-instinkt> (дата обращения 8 февраля 2023).

На наш взгляд, практику идентификации необходимо рассматривать в единстве институциональных (конструируемых) и неформальных (спонтанных) взаимодействий. Конструктивизм как социально-философская методология не отменяет историцизм, но дает возможность понять современный политический процесс. Но это понимание будет неполным, если исключить те компоненты идентичности, которые формируются спонтанно, сохраняя устойчивую индивидуальную и коллективную самобытность (автономные коммуникационные системы), и учитывают повседневные потребности людей.

На становление и поддержание образа «МЫ» влияет как объективная реальность в лице социальных институтов, так и индивидуальный и коллективный опыт. Не только элита, но и обычные люди прекрасно понимают, кем они на самом деле являются, и выстраивают свое поведение привычным для себя способом, глядя в «зеркало» природы, территории и национальной истории. В составе группы они интерпретируют социальные явления по только им доступным образцам поведения в похожих ситуациях, а также получают набор неформальных методов сложения социального «пазла», обязательных для членов группы.

Другими словами, акт формирования идентичности с отстраиванием «своих» от «чужих», активно происходит и на уровне повседневности с его неформальными социальными практиками, которые могут существенно отличаться от требований элитарного проекта с его навязанными институтами. Причем идентификационные маркеры, которые осознаются людьми самостоятельно и транслируются на основе локального социального опыта, более прочно закрепляют понимание того, кто такие «мы» и «они», чем «мы» отличаемся от «чужих». Или чем «мы» похожи на «чужих».

Один из примеров спонтанной коллективной идентификации с последующими неформальными взаимодействиями – это «культура отмены». Сначала возникает некая группа «неравнодушных» граждан, потом подключаются СМИ и электронные сети. Затем разрабатывается стандартный нарратив, набор мемов и фейков. В конечном итоге все это скопом оказывается в тренде социальных сетей и медиа, заразив большое количество населения западных стран. Затем некоторые «отмены» переносятся на формальный уровень, закрепляя институционально-правовую дихотомию «мы» и «они».

В России внешнеполитическое пространство также наполняется целой палитрой «чужих», в фокусе которых находится Европа и США, играющих роль значимых «чужих» в российской поли-

тической картине мира и общественном сознании, формирующем национальную идентичность.

Конструируемая идентичность и неформальные практики идентификации нередко находятся в состоянии конфликта. Это своего рода «перетягивание каната»: перед лицом общества и государства идет отстаивание «особой» индивидуальной и групповой идентичности, утверждение культурных и других различий с «большинством». К чему это приведет при развитой системе артикуляции и продвижения групповых и корпоративных интересов, пока неясно. С одной стороны, ренессанс государственности в формировании общесоциальной идентичности очевиден. С другой – многие сообщества уже вышли за пределы компетенции государства и его юрисдикции.

В современной социологии маргинальные идентичности изучены довольно подробно. Это своего рода «оборонительная идентичность», пространство «убежища» перед лицом чужого и нередко враждебного окружения, в том числе со стороны «своих». Обычно это некие конструкторы национального характера, укорененные в истории и природе. «Заземление» происходит на периферии, в глубокой провинции или деревне, где формой идентификационного протеста являются уклонение от поднадзорности, уход в тень (в «теневой уклад экономики»), или «выращивание» местной земляческой идентичности в пик космополитизму столичных элит.

В России известны случаи, когда жители отдаленных поселений отказывались от строительства дорог, мостов, не пускали кадастровых инженеров и землеустроителей, чтобы сохранить свою автономию от государства и полагаться только на себя. Еще более радикальные случаи «островной» идентичности встречаются в Индии и Бразилии.

Неформальные идентификационные установки на других уровнях социума (средний класс, высокоресурсные группы) практически не изучены.

Заключение

Дихотомия «свой/чужой» является источником огромного количества неформальных социокультурных коммуникаций (центр/периферия, имущие/неимущие, коренные/пришлые и т. д.) и неформальной конвенциональности, в которую включаются идентификация символами прошлого, поведенческие константы, стереотипы речевой коммуникации, фрагменты опыта и др. В пространстве этих полюсов маркируются ценности и смыслы, создаются и разрушаются

социальные модели взаимодействий, возникают информационные потоки. Весь этот «арсенал» требует дальнейшего детального изучения, поскольку альтернативные способы производства значений и кодов индивидуальной и групповой идентичности возникают постоянно и определяют не только нашу повседневность, но и ресурсы государственного развития.

Литература

- Андерсон 2016 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.
- Барт 2006 – *Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. С. 9–49.
- Кропотов 2006 – *Кропотов С.Л.* Сцена террора в культурных войнах: проблемы воображаемой общности и политики идентичности // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 215–234.
- Латур 2014 – *Латур Б.* Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издат. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
- Поршнев 1979 – *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Наука, 1979. 236 с.
- Фуко 2006 – *Фуко М.* Интеллектуалы и власть. М.: Праксис, 2006. 320 с.
- Castells 2010 – *Castells M.* The Power of Identity: The Information Age, Society, and Culture. Vol. II. 2nd ed. with a New Preface. Malden (MA), Oxford (UK), Chichester (UK): Wiley-Blackwell, 2010. 584 p.
- Melucci 1996 – *Melucci A.* Challenging Codes: Collective Action in the Information Age. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1996. 441 p.

References

- Anderson, B. (2016), *Voobrazhaemye soobshchestva* [Imagined Communities], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Barth, F. (2006), “Introduction”, Barth, F. (ed.), *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy. Sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichii. Sbornik statei* [Ethnic Groups and Social Boundaries. Social organization of cultural differences. Digest of articles], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia, pp. 9–49.
- Castells, M. (2010), *The Power of Identity: The Information Age, Society, and Culture*, Vol. II. 2nd ed. with a New Preface, Wiley-Blackwell, Malden, Oxford, Chichester, UK.
- Foucault, M. (2006), *Intellektualy i vlast'* [Intellectuals and Power], Praxis, Moscow, Russia.

- Kropotov, S.L. (2006), "The Terror Scene in the Culture Wars. Issues of Imaginary Commonality and Identity Politics", *Grazhdanskie, etnicheskie i religioznye identichnosti v sovremennoi Rossii* [Civil, ethnic and religious identities in modern Russia], Izdatel'stvo Instituta sotsiologii RAN, Moscow, Russia, pp. 215–234.
- Latour B. (2014), *Peresborka sotsial'nogo. Vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu*. [Reassembling the social. An Introduction to Actor-Network-Theory], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, 384 p.
- Melucci A. (1996), *Challenging Codes: Collective Action in the Information Age*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Porshnev B.F. (1979), *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History], 2nd ed., enlarged and revised, Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Валентина Ф. Левичева, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; levvf@mail.ru

Сергей Л. Диманс, кандидат экономических наук, доцент, Московская государственная академия физической культуры, Московская обл., пос. Малаховка, Россия; 140033, Россия, Московская обл., пос. Малаховка, ул. Шоссейная, д. 33; dimsl51@mail.ru

Information about the authors

Valentina F. Levicheva, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miuskaya Square, Moscow, Russia, 125047; levvf@mail.ru

Sergey L. Dimans, Cand. of Sci. (Economics), associate professor, Moscow State Academy of Physical Education, Moscow region, Malakhovka, Russia; bld. 33, Shosseynaya Street, Malakhovka, Moscow region, Russia, 140033; dimsl51@mail.ru